

Младший кланяется вам в ноги и выражает искреннюю благодарность, а потому побеспокоит вас, дядя Дэцюань, составить ему завтра компанию в поездке. Я тоже опасаюсь не справиться с этим делом и попутно навлечь на себя лишние хлопоты. С вашей поддержкой всё пройдет куда глаже, — почтительно произнес Мэн У.

— Ох! Разве твой дядя не знает, что за человек этот твой старший дядюшка? Не переживай, пока я здесь главный, контракт на землю тебе обязательно вернут, — ответил Мэн Дэцюань, похлопывая Мэн У по плечу.

Услышав это, Мэн У остался доволен и отозвался:

— Сердечно благодарю дядю Дэцюаня. Как только с этим будет покончено, вы непременно должны оказать мне честь и прийти пообедать в моём доме.

— Ха-ха, обязательно, непременно.

Закончив обсуждение важных дел, мужчины завели беседу на самые разные темы и болтали с исключительной живостью и взаимным удовольствием.

Ближе к вечеру Лю Фан, закончив стирку, вошел в дом. Завидев Мэн У, он просиял и воскликнул:

— Ой, пришел А-У! Дядюшка сейчас займется ужином, оставайся-ка сегодня поесть у нас!

Мэн У с улыбкой отказался:

— Не стоит утруждаться, дядя Лю, братец Хэ наверняка уже приготовил еду дома. Я поем там.

— Верно-верно, вы с братцем Хэ только поженились, вам действительно нужно проводить больше времени вместе, так что уговаривать остаться я тебя не стану!

Тогда Мэн У поднялся, собираясь домой. Лю Фан вынес лукошко яиц и сунул ему в руки со словами, чтобы он забрал их с собой. Мэн У поначалу отнекивался, но, не сумев отказаться, в конце концов взял гостинец, решив про себя, что позже отблагодарит хозяев как следует.

— Лань-гэр, скажи до свидания брату У, — ласково попросил малыш Лань-гэр, прощаясь с гостем.

Мэн У присел на корточки, погладил его по голове и ответил:

— До свидания, Лань-гэр.

После этого он зашагал домой, неся в руке лукошко с яйцами, подаренное дядюшкой Лю.

Семья заместителя старосты состояла из людей здравомыслящих, добрых и легких в общении. Мэн У проникся к ним большой симпатией, а поскольку заместитель старосты привык вершить дела по справедливости, завтрашнее предприятие обещало пройти куда легче. С такой поддержкой Мэн Синьфу наверняка не сможет устроить никаких козней. Преисполненный самых лучших чувств, Мэн У направился к дому.

Глава 16. Возврат земельного контракта

Ранним утром Ся Хэ спозаранку поднялся с постели и принялся стряпать завтрак. Закончив утреннюю разминку, Мэн У переступил порог и сразу увидел, что муж уже почти расставляет по столу готовые блюда.

— Чего так рано? Разве ты не устал вчера вечером? — дразняще спросил Мэн У, забирая из рук Ся Хэ миски и палочки для еды.

Услышав это, Ся Хэ залился краской от макушки до пят и поспешно выпалил:

— Мужчине лучше бы умыться и привести себя в порядок, а потом идти за стол! Тебе ведь сегодня еще ехать в поселок!

Стоило его собственному супругу застесняться, как он тут же норовил сменить тему, и это было донельзя притягательно. Кривя губы в улыбке, Мэн У ответил:

— Как скажешь, — и, похитив легкий поцелуй с порозовевшей щеки благоверного, бросил утварь на стол и повернулся, чтобы идти окатываться прохладной водой.

Мэн У всего лишь решил быстренько сполоснуться на заднем дворе, так что много времени это не заняло. Спустя несколько минут он уже вернулся к обеденному столу и в самой что ни на есть идиллитной обстановке позавтракал со своим супругом, после чего отправился в путь. Сначала ему предстояло зайти к заместителю старосты, чтобы встретиться с ним, а затем вместе отправиться в поселок на воловьей повозке.

Деревня Мэн находилась не слишком близко к поселку, но и далеко ее было не назвать. Мэн У и заместитель старосты добрались до места за полчаса, покачиваясь и скрипя на воловьей повозке.

С тех пор как Мэн Синьфу отправил племянника в армию и завладел наследством своего покойного брата, он перебрался в поселок, где обзавелся собственным особняком и лавкой, зажив весьма зажиточно. У Мэн Синьфу был один муж и два наложника, а также пятеро детей — четверо гэров и один юноша. Поскольку младший ребенок дался им с большим трудом, семья окружала его особой, безумной любовью, балуя до крайности. Из-за того, что он родился позже остальных, этот юноша по имени Мэн Шувэнь был в свои четырнадцать лет невыносим: целыми днями гонял кур и собак, доставляя всем немало хлопот.

Мэн У и заместитель старосты явились неожиданно, так что Мэн Синьфу был совершенно не готов к приему. Ему оставалось лишь натянуть на лицо любезную улыбку и проводить гостя в дом; Мэн У последовал за ними. Когда все уселись, Мэн Мэй, муж Мэн Синьфу, подал гостям чай. Опустив поднос на столик, он присел рядом с Мэн Синьфу и заговорил:

— Не знаю, по какому важному делу пожаловал уважаемый заместитель старосты да еще привел моего старшего племянника? И ведь не предупредили заранее, я совсем ничего не подготовил. Если в чем-то проявим небрежность, не взыщите.

— Ой, все мы свои люди, соседи, к чему эти разговоры о взысканиях? Сегодня действительно есть неотложное дело, так что соблюдать все положенные церемонии было некогда.

— Ох, и что же это за дело, раз оно заставило заместителя старосты лично нанести визит? — с сомнением поинтересовался Мэн Синьфу. У него уже появилось недоброе предчувствие насчет того, зачем явились эти двое, однако он все еще тешил себя надеждой, что всё не так, как он думает.

Заместитель старосты приподнял пиалу, сделал глоток чая, поставил ее обратно и неторопливо произнес:

— Брат Синьфу, не прикидывайся, будто ничего не понимаешь. Пока парнишка Мэн У эти десять лет служил в армии, то, что ты, старший дядя, взял на себя заботу об оставленном его родителями наследстве, еще можно было понять. Но теперь-то парень вернулся, и имущество пора бы вернуть законному владельцу!

— Хоть оно и так, но все эти годы я тоже из сил выбивался, управляясь с этим хозяйством. С чего бы старшему племяннику по возвращении забирать всё даром, разве это дело?

Мэн У мысленно скривился — он и впрямь не желал изображать любезность с этим так называемым старшим дядюшкой.

— Дядя, раз уж я все еще зову тебя дядей... Когда родители погибли, мне было уже четырнадцать, я не был несмышленным мальчишкой и прекрасно знаю, что ты тогда натворил. Всё и так очевидно. Будет лучше, если ты вернешь мне всё до последнего зернышка, что досталось от отца с отчимом, иначе я не ручаюсь за себя и непременно отправлюсь в уездную управа искать справедливости.

— Эй, племянник, что ты такое говоришь? Разве всё это не было вынужденной мерой? В каждой семье требуется мужчина, не тебе же отправлять в армию твоего четырехлетнего брата? Дядя с дядиным мужем вовсе не собираются присваивать твое добро, но посмотри сам: у нас на попечении еще два гэра да один юноша, а никакого прибыльного ремесла у нас нет, живем исключительно за счет урожая с тех полей. Не мог бы ты продать эти надежды нам? Правда, лишних серебряных монет у дяди с мужем нет, так что мы могли бы выплачивать тебе стоимость зерном каждый год, годится?

— Дядя, боюсь, дело не ограничивается одними лишь полями! Десять лет назад хоть я и был мал, но хорошо помню, сколько добра оставил мой отец. Не говоря уже о доме, мебели и драгоценностях моего папы, одних только наличных денег там наберется добрых две-три сотни лянов! И не надо прибедняться, твой особняк выглядит более чем роскошно!

— Послушай-ка, старший в роду Мэн, я сегодня здесь именно потому, что опасался, как бы вы не вздумали забрать добро себе, — вмешался заместитель старосты. — Сколько бы вы ни тешили себя самообманом, о событиях тех лет прекрасно помнит вся деревня. Мы пришли вести мирные переговоры лишь из уважения к тому, что ты — старший дядя Мэн У. Но если ты упрямо откажешься отдать имущество, мне останется лишь просить Старосту Ли созвать родовой совет.

— Верну, конечно верну! Только... послушай, парень Мэн У, сумма-то немалая, дядя не сможет раздобыть всё серебро в один миг. Нельзя ли дать дяде немного времени?